

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-4/218-229

Научная статья

© Г. Ю. Ситнянский

СТЕПНОЕ ПРАВО И СТЕПНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследования по вопросам политической культуры евразийских степных народов привели автора к убеждению, что изначальная, «дочингисхановская» политическая культура евразийских кочевников (восстановленная после распада империи Чингизидов) ближе к европейской, чем к восточной, что у степных скотоводов сложилась своеобразная степная демократия, тоже восстановленная в постчингизидскую эпоху. Одним из проявлений этой степной демократии является наличие у некоторых степных народов суда, аналогичного европейскому суду присяжных; у казахов это суд биев. Бием, как и присяжным, мог быть любой уважаемый и знающий основы обычного права казах, который выбирался на каждый данный судебный процесс. Простые дела решались одним бием, для разбора дел более сложных подбиралась коллегия биев, иногда до 24 человек. При этом изначальной целью введения такого суда был поиск альтернативы суду султанов, как и в Европе суд присяжных пришёл на смену суду сеньоров.

К сожалению, после присоединения казахских степей к России непродуманная политика российской администрации привела к тому, что биш стали хотя и выборными, но постоянно действующими судьями. Это свело на нет положительный опыт бийского суда. Тем не менее, есть основания считать, что традиция последнего ещё может оказаться полезной при проведении демократических реформ в современной судебной системе.

Ключевые слова: степная демократия, европейский суд присяжных, казахский суд биев

Ссылка при цитировании: Ситнянский Г. Ю. Степное право и степная демократия: исторический опыт, современность, перспективы // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 218–229.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-4/218-229

Original Article

© Georgy Sitnyansky

STEPPE LAW AND STEPPE DEMOCRACY: HISTORICAL EXPERIENCE, MODERNITY AND PROSPECTS

Research on the political culture of the Eurasian steppe peoples led the author to believe that the original, “pre-Genghis Khan” political culture of the Eurasian nomads (restored after the collapse of the Genghisid Empire) is closer to European than to Eastern, that steppe pastoralists have developed a kind of steppe democracy, also restored in the post-Genghisid era. One of the manifestations of this steppe democracy is that some steppe peoples have a court similar to the European jury; thus, Kazakhs have a biy court. Any respected Kazakh who knew the basics of customary law, could be chosen as a biy or a jury for a given trial. Simple cases were solved with one biy, a board of biys, sometimes up to 24 people, was selected for complex cases. At the same time, the original purpose of introducing such a court was to find an alternative to the court of sultans, just as in Europe the jury court replaced the court of lords.

Unfortunately, after the Kazakh steppes became part of the Russian Empire, as a result of the ill-conceived policy of the Russian administration the biy became permanent judges, although they still were elected. This completely negated the positive experience of the biy court. Nevertheless, there is reason to believe that the tradition of the latter may still be useful in carrying out democratic reforms in the modern judicial system.

Keywords: *steppe democracy, European jury court, Kazakh biy court*

Author Info: **Sitnyansky, Georgy Yu.** — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: sitnyan@mail.ru

For citation: Sitnyansky, G. Yu. 2022. Steppe Law and Steppe Democracy: Historical Experience, Modernity and Prospects. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 4: 218–229.

Мне неоднократно приходилось писать об исторически сложившейся особой форме демократии — «степной демократии» у евразийских кочевых скотоводов, в том числе и на страницах настоящего издания, равно как и о том, что, вопреки мнению большинства классических евразийцев (название первого сборника статей которых «Исход к Востоку» говорит само за себя), традиционная евразийская степная политическая культура ближе к европейской, чем к восточной, а то, что классические евразийцы приняли за подлинное евразийство, есть результат «остернизации» Великой Степи в эпоху империи Чингизидов (Ситнянский 1996; 2012; 2016; 2021; см. также: Акимбеков 2011: 209–239, 363–365 и др.).

Но одним из атрибутов демократической власти является демократический суд; в европейской политической культуре это — суд присяжных. Настоящая статья посвящена исследованию его степного аналога — казахского суда биев.

Классическая модель народного суда казахов и киргизов — это устный, гласный и публичный суд, который разбирал дела по исковым заявлениям истца, начиная от простой обиды и кончая самыми тяжкими преступлениями. Дела передавались в суд, только если тяжущихся не удавалось склонить к окончанию спора миром, к чему стремилось всё общество и что являлось заботой авторитетных родственников. Суд вершили бии — известные и уважаемые в народе знатоки обычного права (адата) (*Брусина* 2016: 219). Ч. Валиханов пишет: казахская судебная система (суд биев) середины XIX в. имела ряд чисто европейских черт: практически неограниченную адвокатуру, процедуру обжалования и т. д. (*Валиханов* 1958: 207). Но ещё важнее, как представляется, принцип формирования суда биев.

У казахов бии-родоначальники управляли мелкими родами, а скорее, родовыми подразделениями и, возможно, крупными семейно-родственными группами. Они также выполняли различные административные, политические и хозяйственные функции, в том числе судебские (*Курьлёв* 1998: 78–154; *Радлов* 1989: 337–339; *Степной закон* 2000: 10; *Шахматов* 1964: 43–45). Классический суд биев установился у казахов в правление хана Тауке (1660-е — 1715/1718 гг.) (по крайней мере, казахская традиция приписывает это установление ему) (*Словохотов* 1905: 45), когда благодаря проведённым этим правителем реформам к биям перешла часть функций третейского суд аксакалов. Помимо этого, стремление Тауке усилить ханскую власть привело к тому, что и судебная власть султанов перешла от последних к биям.

Такова, опять же, классическая интерпретация реформ Тауке как укрепления ханской власти (*Курьлёв* 1998: 53–54). Однако в свете того, что, как мы увидим ниже, представлял из себя суд биев, можно увидеть в реформах Тауке и укрепление степной демократии, нечто вроде характерной для европейских стран (в эпоху буржуазных революций, в некоторых странах и раньше) замены «суда сеньоров» (у казахов — суда султанов) судом присяжных.

Звание бия не было наследственным, хотя нередко (но всё же в меньшинстве случаев) оно доставалось сыну умершего бия. Как писал в 1759 г. российский канцлер В. Воронцов, «по смерти такого бия или старшины, доставляет (его должность — *Г. С.*) по большей части постороннему человеку, старшему летами других или хотя и сыну прежнего бия и старшины» (АВПР 1759: Д.8, Л.11). Бий официально не выбирался, а получал неформальное звание за глубокие познания в судебных обычаях и организаторское искусство. Судьей-бием в степи считался всякий «киргиз» (как до 1917 г. называли казахов; отмечу, однако, что суди биев был характерен и для киргизов, хотя у них, как у более близких географически к оседлой Средней Азии, больше было влияние исламского права — о нём чуть ниже — *Г. С.*), избираемый каждый раз для разбора конкретного дела из указанного выше круга заслуживающих доверия лиц обеими сторонами по взаимному согласию.

Право выбора бия, по мнению Ч. Валиханова, было аналогично праву выбора адвоката в европейской правовой культуре. В другом месте Валиханов сравнивает звание бия со «званием» поэта или художника в Европе, которое надо заслужить своим мастерством и которого можно лишиться при потере авторитета после пристрастного судебного решения (*Валиханов* 1958: 208, 215, 218). Но в свете всего сказанно-

го, как представляется, более уместна иная аналогия: если звание бия было неформальным и если судьёй-бием в степи считался всякий киргиз, избираемый каждый раз для разбора конкретного дела из круга имеющих глубокие познания в судебных обычаях, наделённых организаторским искусством и заслуживающих доверия лиц обеими сторонами по взаимному согласию, то биев скорее можно уподобить европейским присяжным.

В южной части кочевого ареала бии (из которых тяжущиеся могли выбирать судью по своему усмотрению) назначались ханами из числа соискателей, просивших эту должность с подарками (*Гродеков* 1889: 179). Однако это было уже результатом влияния восточного общества и нарушением принципа степного демократического суда. Представляется, что такая тенденция в силу уже упомянутой географической близости к оседлой Средней Азии была более характерна для киргизов, чем для казахов.

Бий, как правило, был богатым и влиятельным лицом. Это мог быть родоначальник истца или то уважаемое лицо из рода ответчика, к которому обращался истец. За свои услуги бии получали вознаграждение — бийлык, обычно из доли (10%) от суммы иска, которое взыскивалось с признанной виновной стороны. Отметим, что, несмотря на сочувствие к сородичу, судьи не допускали уклонений от справедливости, будучи связанными общественным мнением, религиозными представлениями и различными нормами адата. Честность и беспристрастность биев были не только залогом репутации всей родовой группы, они обуславливались возможностью свободного выбора того или иного судьи и, видимо, боязнью осквернить себя ложной присягой (*Ибрагимов* 1878: 10; РГВИА: Д. 4849, Л. 396–396 об.). Это, разумеется, в идеале — на практике никакой суд (европейский суд присяжных, в том числе) от ошибочных, а то прямо пристрастных решений не гарантирован.

По другой версии, впрочем, бий, принадлежавший к одному с одной из тяжущихся сторон роду, мог быть адвокатом, но не судьёй (возможно, кроме тех случаев, когда обе стороны давали согласие на участие такого бия в процессе в качестве судьи — *Г. С.*). Вообще же, казахи предпочитали судиться у проезжих биев (что при кочевом образе жизни организовать было нетрудно), чем у биев соседнего племени, так как, несмотря на всё вышесказанное, очевидно, всё же опасались, что суд последних будет не беспристрастным в силу родовых счётов. Но как бы то ни было, жалобы на решения биев были редким явлением (*Валиханов* 1958: 209–212).

Обычно споры внутри родовой группы решались биями единолично (это могло иметь место и в случае, если дело касалось разных родовых групп, но при этом тяжущиеся стороны взаимно соглашались иметь по своему делу одного судью). В более мелком подразделении (ауле) споры решались старейшинами (аксакалами). Споры между двумя родовыми группами решались третейским судом. В этом случае род обидчика совместно с родом обиженного, избрав по взаимному соглашению одного и того же бия (судя по всему, из третьего, нейтрального рода), уполномочивали его выбрать, по своему усмотрению, ещё несколько биев (*Валиханов* 1958: 216; *Словохотов* 1905: 45–46). По другим данным, тяжущиеся могли выбрать по равному числу биев с каждой стороны, то есть биев-обвинителей и биев-защитников. Некоторые авторы полагают, что это бывало, если стороны не могли договориться об одном центральном бие (РГВИА: Д. 4849, Л. 96, 245 об.).

Для решения дел большой важности в судебном совещании должны были участвовать от 8 до 24 судей — нечто вроде коллегии присяжных. Таким образом, раз-

ница с европейским судом присяжных состояла в том, что последних всегда бывало 12, тогда как число биев в зависимости от важности разбираемого дела и некоторых других обстоятельств могло варьировать от одного до 24. Суд с расширенным числом биев от 8 до 24 назывался «кенес». Выбранный по соглашению обеих сторон бий становился его председателем; обычно он назывался посредником. Дела особой важности, например, споры, в которых были заинтересованы разные роды, разбирались ханом, султаном или другими почётными лицами при большом стечении народа, преимущественно в дни поминок умерших и народных празднеств. Это был ежегодный суд народного собрания «маслагат», решения которого были непререкаемы для народа (*Словохотов* 1905: 77; *Шакаев* 1966: 11).

Особо необходимо отметить, что бии разбирали публично все дела, тогда как привнесённые российской властью мировые судьи (о последствиях вмешательства российских властей в традиционную казахскую судебную систему подробнее ниже) — только гражданские. Валиханов Ч. Ч. добавляет, что институт мировых судей не идеален даже в таком классическом правовом государстве, как Великобритания, на что британские правоведы указывают (*Валиханов* 1958: 217).

На практике суд «вольных биев» был, по-видимому, безапелляционным, и народные судьи как лица, лично известные населению и родоправителям, могли рассчитывать, что их решения будут исполнены (РГВИА: Д. 4849, Л. 205 об.); это соответствовало высокому статусу биев в народе. Однако есть сообщения, что в принципе недовольные судебным решением могли обжаловать его у султана или бия более высокого уровня, что, впрочем, случалось крайне редко, считалось из ряда вон выходящим происшествием, и подобное событие широко разглашалось по степи. Апелляции разбирались на народных собраниях, решение которых считалось окончательным (*Гирс* 1883–1886: 325; *Ибрагимов* 1878: 3; *Материалы* 1948: 76, 112).

При уклонении от выполнения вынесенного судом биев решения, как и при уклонении судьи от разбирательства дела либо при явно несправедливом судебном решении пострадавшая сторона с позволения своего аульного старейшины получала право на баранту (барымту) с условием возврата угнанного скота после исправления указанной несправедливости. При этом скот могли угнать не только у самого ответчика, но и у аксакала того рода, к которому он принадлежал, чтобы последний оказал давление на ответчика и принудил исполнить решение суда. При этом стоимость угнанного скота должна была примерно соответствовать размеру иска (*Быков* 2003: 237; *Словохотов* 1905: 49).

Отметим ещё, что у киргизов (казахов — *Г. С.*) никогда не было телесных наказаний, или по крайней мере они применялись в единичных случаях и «не приветствовались», как чужеродное явление, привнесённое в Степь среднеазиатскими ханами («из кокандских крепостей») (*Валиханов* 1958: 220; *Гродеков* 1889: 244).

Некоторые авторы считают нарисованную картину слишком идеализированной. Так, В. В. Радлов пишет: «Так как кочевникам совершенно неизвестна система выборности предводителей, то бий обычно приобретает власть путём узурпации, и её редко признают безоговорочно все. Поэтому судебный приговор, который выносят бии, это в большинстве случаев третейский суд, которому добровольно подчиняются обе стороны. Есть бии, которых народ слушается безоговорочно, которые завоевали своё положение справедливыми и разумными суждениями. Другие утверждают своё положение только благодаря личному богатству и большой родне. Наконец, не-

которых признаёт небольшая часть их родового подразделения, и они имеют конкурентов». Конфликты внутри рода улаживала третейским судом «корпорация биев», каждый из которых представлял своё подразделение. «Влияние биев и здесь зависит от обстоятельств. Есть бии, которые могут одним лишь своим приговором или приказом прекратить самые жёсткие распри. В то же время с решением, принятым целой корпорацией биев, иногда не считается ни одна сторона» (Радлов 1989: 338). Однако, не говоря уже о том, что, как я уже отмечал, никакой суд не идеален, нельзя забывать о том, что Радлов занялся изучением казахов только начиная с 1862 г., поэтому есть основания считать, что многое из описанного им негатива привнесено уже российской администрацией — об этом, как уже говорилось, чуть ниже.

Если ответчик не сознавался, принимались свидетельские показания, велся поиск следов преступления, а в случае отсутствия того и другого назначалась присяга. Присяга была решающим элементом дознания. Чаще всего бии присуждали «очистительную» присягу. По выбору истца один, при больших исках — два-три «присяжных» (здесь и далее это слово берётся в кавычки, т. к. речь не о европейских присяжных, аналогом которых, как мы уже установили, являлись бии, а о свидетелях или других заслуживающих доверия людях, готовых что-либо подтвердить под присягой — практика, распространённая и в европейской политической культуре — Г. С.) назначались из числа наиболее уважаемых и почётных людей, принадлежавших к роду ответчика. В зависимости от важности дела выбор «присяжных» происходил либо из числа близких соплеменников подсудимого, либо из всей его волости или рода.

«Присяжные» должны были поклясться, что обвиняемый невиновен, тогда последний выигрывал дело. Если же такой человек отказывался от присяги, вина считалась доказанной. Иногда в доказательство показаний присяга налагалась на свидетеля или на его уважаемого родственника. В некоторых гражданских делах часто применялась «доказательная» присяга, которую в «маловажных» случаях принимал истец, а в серьёзных — его влиятельный сородич, которого уже выбирал ответчик (Валиханов 1958: 210–211; Гродеков 1889: 190–193, 210–211; Шакаев 1966: 19–20; РГВИА: Д. 4849, Л. 396 об. — 397).

Принятие присяги... могло в корне изменить общественное мнение в отношении присягнувшего. Обряд проходил торжественно, присягающий произносил «страшные слова», согласно которым за ложь его должны были покарать высшие силы. Считалось, что ложно присягнувший рано или поздно будет уличён, поскольку работает «узун-кулак» (степное «длинное ухо»), весьма быстро распространяющее среди кочевников любую информацию. «У народа пятьдесят ушей» — гласит казахская пословица, примерно аналогичная русской «земля слухом полнится». Кстати, И. Ибрагимов приводит курьёзный случай, когда русский судебный чиновник, получив от казаха ответ на вопрос, откуда ему что известны какие-то факты: «От узун-кулака», решил, что это конкретный человек, и стал спрашивать, где этот «узун-кулак» живёт и как его найти (Ибрагимов 1878: 13).

При этом ложно (даже по неведению) присягнувший человек по народным обычаям лишался покровительства общества, а его имущество могло быть разграблено. Поэтому выдвинутый на присягу человек старался как можно точнее выяснить обстоятельства дела и сам проводил расследование. Если он оставался не уверен в невиновности своего «подопечного», то, чтобы избежать присяги, старался скло-

нить тяжущихся к мировому решению с удовлетворением половины иска. Лучшие бии умели не доводить до присяги и решать дело миром (*Гродеков* 1889: 211–213; *Словохотов* 1905: 91–92). При этом бии руководствовались не писаными законами (которых у казахов попросту не было), а «своими обычаями, преданиями, поверьями и верою». В отсутствие определённых законодательных и судебных норм широко использовалось прецедентное право (*Быков* 2003: 16; *Ибрагимов* 1878: 4), что даёт аналогии с правом англосаксонским.

Свидетельства лиц султанского происхождения, показания биев или почтенных аксакалов обычно принимались в знак доверия к ним без подтверждения присягой. Белая кость была неподсудна суду биев (*Быков* 2003: 16; *Словохотов* 1905: 91–92), что опять же даёт аналогии со средневековой Европой, где, например, пэров мог судить только суд равных.

Интересно рассмотреть ещё одно отмеченное Ч. Валихановым событие, показывающее скорее европейский, чем восточный характер традиционной евразийской политической культуры применительно к анализу казахской судебной системы. По К. Виттфогелю, на Востоке политическая мысль в принципе не ищет путей политической, социальной и т. д. модернизации общества и не идёт дальше того, чтобы устранить (как правило — физически) «плохого» падишаха или богдыхана, заменив его «хорошим». Этот автор писал: «Критики гидравлического общества (так он именвал государства восточного типа — *Г. С.*) жаловались лишь на злоупотребления отдельных чиновников или на специфические акции правительства... Но критики правительства ставили себе ... целью лишь оздоровление тотальной власти, принципиальную желательность которой они не оспаривали» (*Wittfogel* 1957: 134).

А вот как обстояли дела у казахов. Ч. Валиханов приводит конкретный пример: однажды было принято решение назначить четырёх главных биев, «биев над биями», с целью «пристроить» судей, удалённых со своих постов под давлением общественного мнения за лихоимство (как мы уже видели, такие на должностях биев долго не задерживались — *Г. С.*). Однако массовые народные протесты заставили отменить это решение. Подчеркнём: речь идёт не о замене «плохих» главных биев «хорошими» (подход, характерный для Востока), но о принципиальном неприятии изменения, которое представляется гражданам неправильным.

Констатирую ещё, что в самой России суд до реформы 1864 г. был дальше от европейских стандартов, чем казахский суд биев: например, адвокатов вообще не было. И многие проживавшие в казахских областях русские предпочитали суд биев, и напротив, некоторые казахи, «заклеймённые народом за прегрешения вполне безнравственные» (например, конокрад, укравший в общей сложности сотни лошадей), требовали русского суда (куда «степные инородцы» во второй четверти XIX в. получили право обращаться) (*Брусина* 2016: 219–222; *Валиханов* 1958: 210–214).

Как Россия дошла до такого состояния — отдельная тема, требующая специального исследования, здесь скажу только, что, по моему мнению, это результат «вертикализации» власти со времён опричного переворота Ивана Грозного и особенно со времён Петра I. Во всяком случае, в период «либеральных» (насколько применимо это слово к XVI веку) реформ Адашева — Сильвестра 1550-х гг. в России учреждён был выборный суд; более того, по Судебнику 1550 г. наместникам вообще запрещалось творить суд без участия старост и присяжных («целовальников»). Грамота же от 25 февраля 1552 г. («Пинежская грамота») предполагает полное устра-

нение наместника от суда, его должны чинить «из волостных крестьян выборные лутчие люди, по нашему Судебнику» (Копанев 1953: 9–10).

У казахов ситуация с организацией судов стала меняться с присоединением их земель к России. Менялись как (в сторону уменьшения) компетенция бийских судов, так и способ их формирования. Отсутствие у авторов положений адекватного представления о сути казахской судебной системы, вопреки благим намерениям, имело негативные последствия. Уже по Уставу о сибирских киргизах 1822 г. из компетенции бийских судов выводились «уголовные преступления», к которым, кроме преступлений против власти, были отнесены убийство, грабежи и барымта (хотя последняя, как мы видели, далеко не всегда считалась преступлением, а могла назначаться как средство принуждения к выполнению решения суда — Г. С.). Биимы имели право приговаривать осуждённых только к штрафу. В 1830–1850-х гг... кочевники формально получили право по их желанию обращаться не к биимам, а в имперский суд. ...Эти попытки... лишь дискредитировали судебную власть в глазах населения, которое избегало русского суда и стремилось решать дела по обычным правилам (Быков 2003: 115; Материалы 1948: 74–75; Россия 1903: 216; Словохотов 1905: 67–71, 83–85, 135; Martin 2001: 35–39).

По закону 1854 г. биимы были оставлены те, кто ими бы на данный момент, а впредь таковых полагалось поставлять из числа султанов или аульных старшин, занимавших указанные должности не менее 6 лет или награждённых российскими властями и «не иначе как по выбору общества»; это был первый шаг к превращению биев в чиновников (Валиханов 1958: 211–212). Но если эти положения, принятые ещё в периоды реакции времён позднего Александра I и Николая I, можно понять и извинить, то гораздо сложнее понять последующие законодательные акты, принятые уже во время и после Великих реформ (в том числе судебной) в самой России. Так, по Положениям 1867 (Временное об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями) и 1868 (Временное об управлении в степных областях) годов народный судья (бий), как и казий в оседлых волостях, избирался по той же системе, что и волостной управитель — выборными от каждых 50 хозяйств... (Брусина 2016: 223–224). Официальные выборы не могли удовлетворить этим условиям и, как и предупреждал Ч. Валиханов, должны были способствовать переходу власти «в руки богачей».

Кроме того, формальная выборность биев уничтожала конкуренцию: при традиционной казахской судебной системе к плохому судье просто никто не обращался, и ему как судье приходил конец. А что будет, спрашивает Валиханов, если его официально изберут и утвердят судьёй? Кроме того, теперь бий получал право начать судебное дело по личному усмотрению, что тем более превращало его в полицейского (Валиханов 1958: 218–220).

Из компетенции народных судов изымались преступления политического характера и преступления против христианской веры. Биимы решали окончательно дела ценностью не свыше 100 руб., по более крупным делам можно было апеллировать через волостных управителей к волостным съездам биев, которые назначались по решению уездного начальника для решения дел на сумму не более чем в 1000 руб. Для разбора тяжб между представителями разных родов (или уездов), а также уголовных дел, тяжб по особо крупным искам и по апелляции (на имя уездного начальника) на решение волостного съезда созывались чрезвычайные суды биев... одного или

нескольких уездов. /Они/ проходили в присутствии уездного начальника, который следил за порядком, но не должен был вмешиваться в ход судебного процесса и влиять на принятие решения. Постановления чрезвычайных съездов были окончательными (Брусина 2016: 223–224).

Тяжущиеся по обоюдному согласию имели право выбрать из числа утверждённых биев несколько человек для разбора дела по принципу третейского суда... Решение такого суда было окончательным на любую сумму. При несогласии тяжущихся на выбор биев дело рассматривал указанный истцом бий из волости ответчика... Недовольная решением сторона могла апеллировать к русской администрации только по брачным делам, касающимся прав женщины. При взаимном желании тяжущиеся могли обращаться для разбора дела в русский суд.

По принятому в 1886 г. Положению об управлении Туркестанским краем из ведения народных судов были изъяты уголовные дела об убийствах, увечьях и изнасилованиях (хотя вопрос о материальной компенсации за эти преступления оставался в компетенции биев), о разбоях и грабежах (Гродеков 1889: 201–207). Но это Положение опять же было принято уже в годы реакции, на сей раз «победоносцевской», как по фамилии их главного вдохновителя иногда называют контрреформы 1880-х гг.

Как бы то ни было, результаты не замедлили сказаться. Отмечаемое многими авторами снижение авторитета биев и доверия к ним в последней трети XIX в. — это результат «привнесённой системы выборности»: выборные кампании выродились в борьбу партий и часто сопровождалась беспорядками и даже убийствами. Новым биям уже не нужно было, как раньше, заботиться о своей репутации... Институт апелляции к съездам почти не работал, так как бии в корпоративных интересах почти всегда утверждали решения... Результат — рост апелляций к русской власти.

Отметим также рост влияния на решения судов присяги, которую теперь, упрощая задачу, предпочитали опросам свидетелей, часто вопреки показаниям последних. При этом бии часто ставили вопросы так, чтобы получить ответ в нужном направлении (РГВИА: Д. 4849, Л. 105, 138, 150 об — 151 об.). Не надо забывать и о коррупции — находились и такие (и их было не так мало), кто за деньги готов дать любую присягу.

Авторитетные люди старались теперь не участвовать в судебных процессах, избегали присяги и т. д., заботясь о своей репутации. Возможно, эти процессы были связаны и с начавшейся седентаризацией скотоводов: при оседании казахов бийский суд не приживался, они заимствовали систему судопроизводства у оседлого населения, например, на юге (в присырдарьинских областях? — Г. С.) — у кокандцев (Брусина 2016: 227–228; Быков 2003: 238). Можно добавить ещё, что, если раньше, как мы видели, многие жившие в казахских землях русские часто предпочитали суд биев русскому суду, то в начале XX в., когда после Великих Реформ суд в России стал вполне европейским, напротив, киргизы, по некоторым данным, просили, чтобы их дела слушал русский суд, а не суд биев (Усенбаев 1967: 38), возможно, именно по причине потери авторитета последним по указанным причинам. Впрочем, как уже говорилось, у киргизов позиции суда биев из-за близости к оседлой Средней Азии и влияния мусульманского права изначально были слабее.

Тем не менее, хотя суды биев и стали объектами многочисленных «перестроек» со стороны российских властей, на соционормативный пласт традиционной куль-

туры степняков такими средствами разрушающего воздействия оказать в принципе было нельзя или по крайней это было невозможно в короткий срок. Традиционная правовая культура казахов сохранялась и в начале XX в. (надо думать, до ликвидации в 1924 г. суда биев и вообще традиционного права как таковых — Г. С.), в какой-то степени она жива и сейчас (*Степной закон* 2000: 15–16).

Возможно, и сегодня её можно использовать, органически вписав этот институт степной демократии в демократию современную. Л. А. Словохотов приводит в качестве примера Норвегию начала XX в., «где народное правосознание не потеряло до сих пор практического значения и где обычное право существует не инкогнито и благодаря снисхождению закона, как у нас, а, напротив, само подчинило себе официальное право, основанное здесь на народных обычаях и понятиях» (*Словохотов* 1905: 13–14). А Ч. Ч. Валиханов ещё за сорок лет до того предлагал при введении у казахов суда присяжных выбирать последних по жребии из биев, решивших в прошлом году какие-либо дела (*Валиханов* 1958: 226).

Но как бы то ни было, из всего сказанного в статье очевидно, что традиционный казахский суд биев был куда ближе к европейским судебным аналогам, чем к восточным.

Источники и материалы

АВПР 1759: Д.8 — АВПР. Ф, «Киргиз-кайсацкие дела». 1759. Д.8.

РГВИА: Д.4849 — РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.4849.

Гирс 1883–1886 — Отчёт ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб.: б. и., б. г. [1883–1886].

Материалы 1948 — Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1948.

Россия 1903 — Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 18. Киргизский край. СПб.: А. Ф. Девриен, 1903. 478 с.

Научная литература

Акимбеков С. История степей. Феномен государства Чингисхана в истории Евразии. Алматы: Изд-во «Центр Азии», 2011. 639 с.

Брусина О. И. Обычное право кочевого населения Туркестана в системе российского управления // Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Наука, 2016. С. 217–234.

Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2003. 267 с.

Валиханов Ч. Ч. Записка о судебной реформе // Избранные произведения. Алма-Ата: Казгосиздат, 1958. С. 196–235.

Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент: Типолитограф. С. И. Лахтина, 1889. 298 с.

Ибрагимов И. Заметки о киргизском суде. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1878. 25 с.

Копанев А. И. Уставная земская грамота трёх волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 года // Исторический архив. Т. VIII. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 7–20.

Курьлёв В. П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX — начало XX вв.). СПб.: МАЭ, 1998. 287 с.

Радлов В. В. Из Сибири. М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1989. 749 с.

Ситнянский Г. Ю. Золотая Орда и европейская политика (1241–1359) // The scientific heritage. 2021. № 81. Vol. 4. P. 12–19.

Ситнянский Г. Ю. Либеральное евразийство — оксюморон или национальная идея для России? // Центр Востока и Запада. 2012. 14 апреля. <http://www.meso Eurasia.org/archives/8630>

- Ситнянский Г. Ю.* Мировой демократический процесс и степная традиция // Азия и Африка сегодня. 1996. № 3. С. 14–19.
- Ситнянский Г. Ю.* Совместима ли евразийская политическая культура с европейской // Исторические исследования. 2016. № 4. С. 196–211.
- Словохотов Л. А.* Народный суд обычного права киргиз Малой Орды. Оренбург: Тургайская обл. типо-лит., 1905. 156 с.
- Степной закон 2000 — Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / сост., авт. вступ. ст., коммент. и глоссария А. А. Никишенков; под ред. Ю. И. Семенова. М.: Старый сад, 2000. 288 с.
- Усенбаев К. У.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе: Илим, 1967. 327 с.
- Шакаев Г.* Процессуальное обычное право казахов XIX–XX вв. Автореф. дисс... к. и. н. Алма-Ата, 1966. 21 с.
- Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1964. 207 с.
- Martin V.* Law and custom in the Steppe: The Kazakh of the Middle Horde and Russian colonialism in the nineteenth century. Richmond (UK): Curzon Press, 2001. 244 p.
- Wittfogel K.* Oriental Despotism. New Haven: Yale Univ. Press, 1957. 570 p.

References

- Akimbekov, S. 2011. *Istoriya stepei. Fenomen gosudarstva Chingishana v istorii Evrazii* [The history of the steppes. The phenomenon of the Genghis Khan State in the history of Eurasia]. Almaty: Izdatel'stvo "Tsentr Azii", 2011. 639 p.
- Brusina, O. I. 2016. Obychnoe pravo kochevogo naseleniya Turkestana v sisteme rossiiskogo upravleniya. [The customary law of the nomadic population of Turkestan in the system of Russian governance]. In *Sredneaziatskiy etnograficheskiy sbornik* [Central Asian Ethnographic Collection], ed. by S. N. Abashin and V. I. Bushkov. Issue V. Moscow: Nauka. S. 217–234.
- Bykov, A. Yu. 2003. *Istoki modernizatsii Kazahstana* [The origins of Kazakhstan's modernization]. Barnaul: Izdatel'stvo "Azбука". 267 p.
- Grodekov, N. I. 1889. *Kirgizy i karakirgizy Syr-Daryinskoi odlasty*. Vol. I. *Yuridicheskiy byt* [Kyrgyz and Karakirgiz of the Syr-Darya region. Vol. 1. Legal life]. Tashkent: Tipolitografiya S. I. Lakhtina. 298 p.
- Ibragimov, I. 1878. *Zametki o kirgizskom sude* [Notes on the Kyrgyz Court]. Sankt-Peterburg: Tipografija V. Kirshbauma. 25 p.
- Kopanev, A. I. 1953. *Ustavnaya zemskaya gramota tryokh volostei Dvinskogo uезда 25 fevralya 1552 goda* [The charter of the zemstvo of the three volosts of the Dvinsky district on February 25, 1552]. *Istoricheskiy arkhiv*. [Historical Archive] 8: 7–20.
- Kurylyov, V. P. 1998. *Skot, zemlya, obschina u kochevyh i polukochevyh kazahov (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)* [Cattle, land, community among nomadic and semi-nomadic Kazakhs (the second half of the XIX — early XX centuries)]. Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i etnografii. 287 p.
- Martin, V. 2001. *Law and custom in the Steppe: The Kazakh of the Middle Horde and Russian colonialism in the nineteenth century*. Richmond (UK): Curzon Press. 244 p.
- Nukishenkov, A. A. and Yu. I. Semenov (eds.). 2000. *Stepnoy zakon. Obychnoe pravo kazahov, kirgizov i Turkmen* [Steppe Law. Customary law of Kazakhs, Kyrgyzs and Turkmen]. Moscow: Staryi sad. 288 p.
- Radlov, V. V. 1889. *Iz Sibiri* [From Siberia]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 749 p.
- Shakaev, G. 1966. *Protsessual'noe obychnoe pravo kazahov XIX–XX vv.* [Procedural customary law of the Kazakhs of the XIX–XX centuries]. Ph.D. diss. abstract, Kazakh National University. Almaty, 1966. 21 p.

- Shahmatov, V. F. 1964. *Kazahskaya pastbischno-kochevaya obschina* [Kazakh pastoral and nomadic community]. Alma-Ata: Izdatelstvo Akademii Nauk Kazahskoy SSR. 207 p.
- Sitnyanskiy, G. Yu. 2021. Zolotaya Orda i evropeiskaya politika (1241–1359) [The Golden Horde and European Politics (1241–1359)]. *The scientific heritage* (Hungary) 81 (4): 12–19.
- Sitnyanskiy, G. Yu. 2012. Liberal'noe evraziystvo — oksyumoron ili natsionalnaya ideya dlya Ros-sii? [Is liberal Eurasianism an oxymoron or a national idea for Russia?] *Tsentr Vostoka i Zapada*. 14 aprelya. <http://www.mesoeurasia.org/archives/8630>.
- Sitnyanskiy, G. Yu. 1996. Mirovoy demokraticheskiy protsess i stepnaya traditsiya [World democratic process and steppe tradition]. *Aziya i Afrika segodnya* 3: 14–19.
- Sitnyanskiy, G. Yu. 2016. Sovmestima li evraziyskaya politicheskaya kul'tura s evropeiskoy [Is the Eurasian political culture compatible with the European one]. *Istoricheskie issledovaniya* 4: 196–211.
- Slovohotov, L. A. 1905. *Narodnyi sud obychnogo prava kirgiz Maloy Ordy* [The People's court of customary law of the Kyrgyz of Little Horde]. Orenburg: Turgayskaya oblastnaya tipolitografiya. 156 p.
- Usenbaev, K. U. 1967. *Vosstanie 1916 goda v Kirgizii* [The 1916 Uprising in Kirgizia]. Frunze: Ilim. 327 p.
- Valihanov, Ch. Ch. 1958. Zapiska o sudebnoi reforme [A note on judicial reform]. In *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Alma-Ata: Kazgosizdat. S. 196–235.
- Wittfogel, K. 1957. *Oriental Despotism*. New Haven: Yale Univ. Press. 570 p.